

УДК 327.8

Образы будущего в политологическом и публичном дискурсах современной России

А. А. Вилков

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vil57@yandex.ru

Статья посвящена анализу образов будущего, представленных в научном и публичном дискурсах постсоветской России. На основе анализа материалов отдельных проектов и научных публикаций автор приходит к выводу о том, что формирование положительного образа будущего России в массовом сознании – это вопрос конкуренции варианта, который продвигает действующая «партия власти», с образом идеологического варианта «левого» будущего. Сегодняшняя фрагментация «левого» сегмента партийной системы не позволяет рассчитывать на его реальную победу на ближайших выборах, однако уже в следующем электро-ральном цикле ситуация, по мнению автора, может принципиально измениться в пользу неизбежности усиления «левого» вектора политического и социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: образ будущего России, партийные проекты образа будущего России, научный дискурс, публичный дискурс.

Images of the Future within Political Science and Public Discourses of Modern Russia

A. A. Vilkov

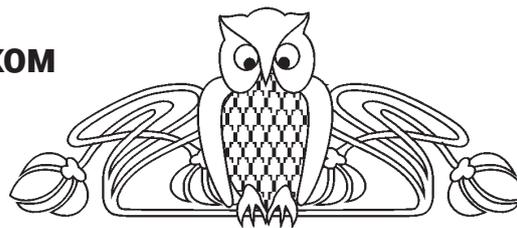
Alexander A. Vilkov, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, vil57@yandex.ru

The article is about the images of Russia's future presented within scholarly and public discourses in post-Soviet Russia. Based on the analysis of certain projects and scholarly publications, the author concludes that formation of positive image of Russia's future within public conscience is a matter of competitiveness of the variant promoted by ruling party and ideological variant of the "left" future. Current fragmentation of the "left" segment of party system does not allow relying on its victory on the nearest elections. However, in the nearest electoral cycle, the author argues, the situation may change significantly towards inevitability of strengthening of the "left" way of political, social and economic development of the country.

Keywords: image of Russia's future, party projects of the image of Russia's future, scholarly discourse, public discourse.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-64-68>

Проблематика образа будущего России является одной из наиболее актуальных и политически значимых в текущей политической жизни. Одним из ключевых направлений анализа этого образа выступает его соотнесение с общенациональной идеей¹. Трудно не согласиться с мнением историка А. Б. Ананченко о том, что «образы

будущего для нас – это не просто абстрактная задача, которую можно решить, а можно и отложить. Сегодня в эту проблему упирается вся политика России, как внутренняя, так и внешняя. Да и не только политика, сама Россия упирается в этот вопрос смысла дальнейшего существования и его ценностей, в вопросы, которые отвечают, зачем мы в этом мире и каким мы хотим его видеть»². Эта проблема всегда была актуальной для нашей страны, особенно с учетом советского опыта реализации мессианской идеи коммунизма как «светлого будущего всего человечества».

Значение образа будущего России хорошо понимают представители действующей власти и политики различных уровней, что находит свое отражение в их публичных выступлениях и разнообразных документах. Соответственно, политико-технологическое использование данного образа постоянно находится в поле зрения представителей политической лингвистики. Типичным примером политико-лингвистического анализа образа будущего России в политических текстах является статья екатеринбургских авторов Л. Г. Бабенко и А. В. Конторских³. Источником для них стала программная речь В. В. Путина в качестве кандидата в Президенты РФ на выборах 2013 г. По мнению авторов, кандидат, используя поливекторную темпоральную направленность выступления, формирует образы далекого и недалекого прошлого, настоящей и будущей России⁴. Аппелляция к далекому героическому прошлому позволила В. В. Путину вынести ключевые этические ценности, которые становятся для него «в дальнейшем ключевыми идеями создания новой, будущей России»⁵. Однако главный пафос выступления определяется использованием негативного образа недалекого прошлого России как отправной точки для обоснования видения образа будущего России. Образ недалекого прошлого используется кандидатом против его основных конкурентов (которые «уже порулили страной»), но одновременно признается как «восстановительный» этап, в ходе которого было достигнуто много созидательного, заложившего «фундамент» для строительства сильной, богатой, благополучной России XXI века⁶. В формировании образа будущего России В. В. Путиным используются императивные высказывания, окрашенные преимущественно «модальностью долженствования и необходимости», нацеленные на главный запрос граждан России – «обеспечить справедливость в самом

широком смысле этого слова. Развитие страны должно происходить для людей, а не за счет людей. Каждое наше решение, каждый шаг должны отвечать интересам абсолютного большинства граждан нашей страны»⁷.

Особое внимание в рамках этого направления уделяется метафорическим образам России в политическом дискурсе⁸. Кемеровские исследователи О. Н. Кондратьева и Ю. С. Игнатова отмечают «принципиально разные целевые установки моделирования будущего страны политиками и политологами. Если политики создают образ “мрачного будущего” с целью демонстрации несовершенства политики конкурентов, а образ “светлого будущего” – для убеждения в собственной политической правоте и в ожидании политической поддержки, т. е. их образ будущего всегда субъективен и детерминирован собственными политическими интересами, то политологи ориентированы на объективный анализ ситуации, обозначение нескольких возможных вариантов развития событий в будущем»⁹. Как видится, на практике (и содержание статьи это подтверждает) речь в первом случае идет не о формировании образа будущего России в массовом сознании с помощью метафор, а об информационно-коммуникационной функциональности метафорических образов в рамках предвыборных технологий. Эти конкурентные образы могут оказать определенное воздействие на мотивацию голосования избирателей, но не могут сформировать полноценное понимание и позитивное восприятие образа будущего России как целеполагания для большинства российского населения. Во втором случае авторы анализируют использование метафор обществоведами в рамках сценарного прогнозирования будущего развития страны на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу. Эта прогнозистика также не может заменить формирование привлекательного образа будущего страны, независимого от победы той либо иной политической партии или кандидата на выборах.

Ряд исследователей анализируют образ будущего России в рамках различных аспектов имиджевой проблематики (ранжирование и содержательное оформление структурных элементов имиджа, технологии формирования, факторы воздействия и т. д.)¹⁰. Анализ данных работ показывает, что авторы вписывают образ будущего России в контекст имиджевых технологий, эффективность которых, по их мнению, зависит от «долговременной, системной организационной и коммуникационной деятельности. Ее технологическая база – обоснованный конъюнктурными и социологическими исследованиями концептуальный подход, централизация и координация целенаправленных, имеющих четкое видение проблем рекламно-коммуникационных действий при постоянном мониторинге их результатов»¹¹. Странники такого подхода абсолютизируют

политико-технологические механизмы формирования имиджа России (и образа ее будущего как одного из составных структурных имиджевых элементов) и недооценивают программно-идеологическое и мировоззренческое его содержание. Более обоснованным представляется мнение Н. Б. Боковой о том, что «без учета ментальных политических констант общества невозможно построить его будущее или повлиять на него»¹².

На наш взгляд, политико-лингвистический и политико-технологический анализ при всей научности оценок репрезентации образа России в программных выступлениях и официальных текстах руководителей государства, в публичном дискурсе в целом не позволяет оценить стратегическое значение этого образа как реального целеполагания в развитии страны. Все официальные попытки охарактеризовать образ будущего России с помощью модальных слов должностования (чаще всего очень правильных и неоспоримых), а также категорий «великая держава», «процветающая», «динамично развивающаяся», «благополучная» страна, которую «уважают в мире», и т. п. характеристик являются, на наш взгляд, преимущественно имиджевыми информационно-коммуникационными технологиями. Они способны привести к временному тактическому успеху на выборах, но неспособны утвердить в массовом сознании веру в правильность и справедливость движения страны в будущее. Без обоснования стратегических целевых ориентиров политического, социально-экономического и культурного развития страны невозможно подключить к этому процессу богатейшие ресурсы человеческого капитала российского общества.

Основной закон РФ также не дает полноценного и понятного для рядовых россиян ответа на обозначенные выше вопросы. Конституционные характеристики постсоветской России как демократического и социального государства внедряются в массовое сознание уже более четверти века. Но с их помощью официальные власти так и не смогли объяснить рядовому гражданину ни сокращающийся разрыв между бедными и богатыми в стране, ни уменьшающиеся проявления повсеместной коррупции и судебной несправедливости, очевидные диспропорции в развитии между центром и регионами и многие другие системные недостатки существующего строя.

Ряд исследователей пытаются вписать образ будущего России в контекст процессов глобализации и взаимоотношений с Западом¹³. О. Э. Бессонова обосновывает его в рамках авторской концепции «либерального раздатка», понимаемой как неизбежные ответы на глобальные вызовы современности в биосфере, техносфере, этносфере, ноосфере, социокультурной и государственной сфере. Фактически эта концепция представляет собой отражение тех тенденций, которые начали реализовываться в экономиче-

ской и социальной политике России в 2000-е гг. Суть их можно свести к усилению регулирующей роли государства при сохранении доминирующей роли либеральных рыночных конкурентных отношений¹⁴.

Данный социально-либеральный подход подвергается критике с различных позиций. Одна из них представлена сторонниками концепции социального гуманизма. По мнению В. С. Голубева, «научно предвидимое будущее – это не либерализм и не дирижизм, а эволюционная траектория: либерализм – интегрализм – социогуманизм. ... Промежуточным этапом на пути к социогуманизму является интегральный строй – строй разного рода компромиссов между капитализмом и социализмом. Конечной точкой углубления компромиссов будет гармония – строй социального гуманизма. На траектории либерализм – интегрализм – социогуманизм будет непрерывно возрастать роль государства во всех сферах жизнедеятельности»¹⁵.

Однако наиболее последовательно в научном и публицистическом дискурсе критика постсоветской либеральной модели осуществлялась, прежде всего, сторонниками «левых» идеологий. Известный философ А. А. Зиновьев однозначно обосновывал, что социальный идеал будущей России «возможен лишь как коммунистический»¹⁶. Руководитель Центра научной политической мысли и идеологии С. С. Сулакшин, последовательно критикуя реализованную в постсоветской России либеральную модель, обосновывает патерналистский вариант будущего России как «оболочку для жизнеобустройства общежития», в которой «государство отвечает за все»¹⁷. Несмотря на отсутствие идеологической приверженности автора, весь смысл концептуальных характеристик образа будущего России и ее Конституции (ценностно-целевой концепт, социальная справедливость, народовластие, труд как высшая ценность и источник блага, народное достоинство, социализированная собственность, народовластие) совпадает с тем, что представлены в программах и выступлениях лидеров КПРФ и «Справедливой России».

Даже ограниченный анализ отдельных образов будущего России (вне предметного поля остались, например, мифологические основы формирования образа будущего России, его модернизационный контекст, его особенности в массовом сознании различных социальных групп), представленных в политологическом дискурсе, показал, что большинство проектов будущего России носит патерналистский характер, чаще всего в рамках «левых» критериев общественно-политического и социально-экономического устройства, ориентирующих на расширение масштабов общественной собственности и усиление регулирующей роли государства.

Однако большинство авторов данных проектов образа будущего России не акцентируют

внимание на политических субъектах, ресурсах, технологиях и методах их воплощения в жизнь. Чаще всего они апеллируют к рефлексивному потенциалу и социальной привлекательности данных проектов. Логика рассуждений большинства идеологов проектов будущего России достаточно тривиальна: научно аргументированная критика социальных противоречий (признаваемых большинством населения на уровне обыденного сознания) существующего строя вызовет массовое его отторжение со стороны российских граждан. Соответствующее научное обоснование логически непротиворечивого и социально привлекательного проекта альтернативного общественного устройства обеспечит ему массовую поддержку в качестве главного ресурса для практического внедрения.

Как представляется, вне поля внимания большинства авторов рассмотренных проектов образа будущего России остается тот очевидный факт, что сформировавшаяся в постсоветской России (действительно либеральная в своей основе) модель общественно-политического и социально-экономического устройства также претендует в публичной сфере на атрибутивные патерналистские характеристики. Об этом свидетельствует последовательная апелляция официальных лиц и лидеров «Единой России» к расширению функциональности государства в области реализации национальных проектов, государственных программ в различных сферах общественной жизни, в борьбе против коррупции и т. д., тем самым демонстрируя постоянную государственную озабоченность интересами большинства российского населения. Апелляция к этой патерналистской функциональности современного Российского государства позволяет аргументировать фактическое выхолащивание конституционно закрепленных возможностей российских граждан с помощью политических и правовых механизмов контролировать действующую власть и ограничивать ее от злоупотреблений.

Этому способствует тот институциональный дисбаланс, который был заложен российскими либералами в 1993 г. и закреплен действующей Конституцией Российской Федерации в пользу политических прерогатив и полномочий Президента РФ. Конституция мыслилась либералами как переходная, призванная обеспечить невозможность коммунистического реванша в постсоветской России и последовательное воплощение в жизнь либеральной модели преобразований. Тем самым в Конституции РФ изначально было заложено институциональное и идеологическое противоречие. Суть его состоит в том, что в Основном законе были объединены три принципиально различные целеполагания:

1) либеральное – максимально представлено, прежде всего, во второй главе Конституции РФ, посвященной закреплению прав и свобод

российских граждан, а также заданным общим вектором социально-экономических преобразований на основе частной собственности и рыночных отношений;

2) авторитарное – представлено системой разделения властей и «сдержек и противовесов», выхолащивающей реальную роль российского парламента и, соответственно, политических партий в определении стратегического курса политического и социально-экономического развития страны;

3) социально-патерналистское – было закреплено в угоду распространенным в массовом сознании граждан советских представлений о функциональности государства и его ответственности за решение большинства социальных проблем.

На протяжении 1990-х гг. реализовывались преимущественно два первых целеполагания. В результате в кратчайшие сроки была сломана государственная плановая хозяйственная система, сформирован класс собственников (с концентрацией собственности в руках олигархической группы), заложены механизмы рыночных отношений и сформирована модель экономики, основанная преимущественно на экспорте топливных и иных сырьевых ресурсов. Либеральные права и свободы граждан в этот период на практике были ограничены той сферой, которая позволяла не затрагивать стратегический вектор частнособственнических отношений и интересов олигархических кланов. Эти свободы проявлялись, прежде всего, в развитии многопартийности в постсоветской России, которая фактически микшировала нараставшее социальное недовольство за счет его фрагментации по мелким оппозиционным партийным проектам. В 1996 г., когда на выборах Президента Российской Федерации радикальный вариант преобразований действительно мог быть заменен на альтернативный, отечественные либералы всех мастей предали забвению свои идеологические принципы о демократических выборах как инструменте волеизъявления народа. Для сохранения власти Б. Н. Ельцина как гаранта продолжения либеральных реформ были использованы все возможные финансовые, административные, интеллектуальные, организационные, информационные ресурсы для манипулирования массовым сознанием и прямого искажения результатов голосования.

В результате именно сочетание либерального и авторитарного целеполагания позволило впоследствии сформировать практическую модель «управляемой демократии» в современной России. Ее публичное позиционирование не предполагает самостоятельного акцентирования внимания ни на либеральном, ни (тем более) на авторитарном целеполагании. Первое используется для позиционирования действующей политической системы как демократической, в кото-

рой конституционно закреплены основные права и свободы граждан, функционируют все базовые демократические институты. Второе целеполагание используется для обоснования специфики политического устройства России на основе сильного государства. Объективная потребность атрибута российской державности объясняется историческими, территориальными, этноконфессиональными, географическими, геополитическими и иными внутренними и внешними факторами.

Более того, необходимость сильного государства обосновывается в публичном дискурсе и патерналистским целеполаганием. Возможности реализации функций социального государства, по мнению представителей действующей власти, возможны только в рамках сильного стабильного государства. Поэтому не случайно, что на последнем съезде «Единой России» акцент был сделан на повсеместном продвижении партийных социальных проектов «от благоустройства территории до поддержки здорового образа жизни и спорта»¹⁸.

Фактически образ будущего России в массовом сознании – это вопрос конкуренции партийных идеологий. Более конкретно – это конкуренция образа будущего России, который продвигает действующая «партия власти», с образом идеологического варианта «левого» будущего. Сегодняшняя партийная фрагментация «левого» сегмента не позволяет рассчитывать на реальную победу на ближайших выборах, однако уже в следующем электоральном цикле ситуация может принципиально измениться.

Усиление «левых» предпочтений российских граждан объективно обусловлено рядом обстоятельств и факторов. Первый связан с тем, что сегодняшнее позиционирование действующего режима как власти социально ориентированной не вызывает доверия именно на стратегическую перспективу. Граждане все более осознают, что реализуемые государственные социальные программы носят декоративный характер и не затрагивают либеральной сущности сложившейся системы, основанной, прежде всего, на сращивании интересов собственников и представителей действующей власти.

Сегодняшнее формально надпартийное позиционирование действующего Президента РФ тактически выигрышно. Оно позволяет ему к моменту уже следующих президентских выборов определиться с одним из вариантов обеспечения стабильного политического и социально-экономического развития страны на основе баланса преемственности и обновления. Одним из них может быть реформирование партийно-идеологического ресурса и механизма поддержки президентской власти. Здесь также может быть несколько вариантов – от преобразования Общероссийского Народного Фронта в левоцентристскую партию до стимулирования

объединительного процесса КПРФ и «Справедливой России» с новыми лидерами и социал-демократической программой реформирования экономической и социальной основы общества. Все эти варианты предполагают, что в образе будущего России станут актуализированы и приобретут приоритетное значение элементы социальной справедливости общественного устройства, а также регулирующая и стимулирующая роль государства в этой сфере.

В любом случае можно прогнозировать, что дальнейшая опора президентской власти на сегодняшнюю «Единую Россию», олицетворяющую в массовом сознании интересы сложившегося олигархического строя, будет неэффективной. Все текущие попытки ребрендинга данной партии в «партию народного большинства» не затрагивают существенную основу сформировавшейся экономической и социальной системы, несправедливость и неэффективность которой вызывает отторжение у большинства населения. Реальное «левое» реформирование «Единой России» невозможно, так как партия тысячами нитей связана с интересами разнообразных крупных и региональных российских бизнес-элит. Она неразрывно срослась с этими интересами, она сама есть механизм выражения и защиты этих интересов. Поэтому «хвост не может влиять собакой!». «Телевизор может победить холодильник» на время, но чаще всего это пиррова победа, которая в истории России всегда заканчивалась трагически. Поэтому усиление «левого» сегмента отечественной партийной системы и соответствующего вектора движения страны в будущее видится объективно неизбежным и оптимальным для развития российского общества.

Примечания

- 1 См.: Ананченко А. Б. «Образы будущего» и национальная идея России // *Философия политики и права*. 2019. № 10. С. 256–265 ; Зарубина Н. Н., Носкова А. В. Образы России : размышления об эпохах перемен // *Полис*. 2019. № 2. С. 173–183 ; Сулакишин С. С. Образ будущей России // *Труды Центра научной политической мысли и идеологии*. Вып. 10, июнь 2015 г. М. : Наука и политика, 2015.
- 2 Ананченко А. Б. Указ. соч. С. 262.
- 3 См.: Бабенко Л. Г., Конторских А. В. Репрезентация образа России в программной речи кандидата в президенты (на материалах предвыборной речи В. В. Путина) // *Политическая лингвистика*. 2013. № 4 (46). С. 12–16.
- 4 Там же. С. 12.
- 5 Там же. С. 13.
- 6 Там же. С. 15.
- 7 Там же.
- 8 См.: Будаев Э. В. Метафорический образ будущего России в политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2014. № 2 (48). С. 279–282 ; Кондратьева О. Н., Игнатова Ю. С. Метафорическое моделирование будущего России в прогнозах политологов (на материалах текстов Владимира Пастухова) // *Политическая лингвистика*. 2019. № 3 (75). С. 60–70.
- 9 Кондратьева О. Н., Игнатова Ю. С. Указ. соч. С. 68.
- 10 См.: Безотосный И. А. Факторы формирования и репрезентации позитивного имиджа России // *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 3. С. 23–26 ; *Российское общество – 2020 : экспертный образ будущего* // *Полития : Анализ. Хроника. Прогноз*. 2016. № 2 (81). С. 124–157.
- 11 Безотосный И. А. Указ. соч. С. 25.
- 12 Политико-психологический анализ образов будущего России : материалы круглого стола // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки*. 2016. № 2. С. 111.
- 13 См.: Бессонова О. Э. Россия и Запад : образ будущего с позиций общей теории институциональных трансформаций // *Общественные науки и современность*. 2008. № 4. С. 86–99 ; Максимова С. Г., Кайзер Н. Ю. Россия между Востоком и Западом : образ страны в представлениях современной молодежи // *Изв. АлтГУ*. 2008. № 2 (58). С. 102–106 ; Попов П. Л. Образы России в контексте однополярности либо многополярности мира // *Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. «Политология. Регионоведение»*. 2016. Т. 17. С. 85–97 ; Солопова О. А. Россия в Европе : будущее в метафорическом зеркале прошлого // *Вопр. когнитивной лингвистики*. 2014. № 2 (39). С. 126–137 ; Солопова О. А. Будущее России в экспортном исполнении // *Лингвокультурология*. 2011. № 5. С. 90–114 ; Уткин А. И. Россия и русские в американской имагологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2009. Т. 12, № 4. С. 158–188.
- 14 См.: Бессонова О. Э. Указ. соч. С. 89.
- 15 Голубев В. С. Каков же образ будущего России и мира? Авторский взгляд на проблему в связи с Московским экономическим форумом 2018 // *Стратегические приоритеты*. 2018. № 2 (18). С. 112.
- 16 Зиновьев А. А. Идеология партии будущего. М. : Алгоритм, 2003. С. 232.
- 17 Сулакишин С. С. Указ. соч. С. 27.
- 18 XIX Съезд «Единой России» // *Единая Россия* : [сайт]. URL: <https://er.ru/core/news/subject/154.html> (дата обращения: 26.11.2019).

Образец для цитирования:

Вилков А. А. Образы будущего в политологическом и публичном дискурсах современной России // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 64–68. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-64-68>

Cite this article as:

Vilkov A. A. Images of the Future within Political Science and Public Discourses of Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 64–68 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-64-68>